

©

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ

(По поводу полемики М. Арчер и И. Валлерстайна)

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - доктор исторических наук, профессор.

Публикация в журнале Международной социологической ассоциации (*International Sociology*. March 1998) обмена мнениями между М. Арчер [1] и И. Валлерстайном [2] привлекла внимание редакции "Социологических исследований" вначале фигурами полемистов. Спорили два признанных во всем мире социолога, бывшие президенты Международной социологической ассоциации (МСА). Профессор Маргарет Арчер, руководитель отделения социологии Уорвикского университета (Великобритания), возглавляла Ассоциацию в 1986-1990 г. И. Валлерстайн, почетный профессор Бингхэмптонского университета (США), сменил ее и был президентом Международной ассоциации социологов до 1998 г. К тому же, журнал МСА нарушал практику последних лет - публиковать тематические номера, что говорило об особом смысле публикуемой полемики.

Первоначально имелось в виду дать в "Социсе" для российского сообщества социологов (в той части, которая не знакомится регулярно с публикациями международного издания социологов) перевод или реферат. Однако поднятые при обмене мнениями вопросы сложно понять без развернутого изложения и статьи И. Валлерстайна в том же журнале двумя годами раньше [3], вызвавшей реакцию М. Арчер. Поэтому ограничиваемся заметкой по поводу "полемики двух президентов", обращая внимание читателей "Социса" прежде всего на релевантные положения в России и в российской социологии грани диалога.

Почему рациональность?

Ключевым словом при обмене мнениями оказалась рациональность. Собственно, анализу интерпретаций этого термина в наследии М. Вебера посвящена значительная часть статьи И. Валлерстайна 1996 г. Он отмечает раздвоение понятия на целевую (Zweck-) и ценностную (Wertrationalitat) рациональность у Вебера, находя их не вполне достаточными, например, при объяснении рациональности планов и действий конфликтующих классов общества. Валлерстайн

употребляет термины рациональность сущностная, отличная от формальной. С обсуждения проблем рациональности начала свою статью и М. Арчер.

Внимание к деталям "рациональности" объяснимо, во-первых, тем, что рациональность - родовый признак современной науки, включая науки об обществе. Арчер и Валлерстайн, оба социологи, ведут речь о социальной науке. Наука - science (здесь важна смысловая и языковая точность) при этом означает тип знаний, близкий точным наукам. Это характерная черта современной дифференциации и интеграции наук об обществе: Валлерстайна, среди других, считают адвокатом движения к некоей исторической (или исторически обоснованной) социальной науке, свободной от а-историзма и стремящейся стать точной наукой.

Полемика, во-вторых, завязалась вокруг рациональности той социальной науки, которая служила несколько столетий формированию современного либерального общества, вселяла уверенность ("оптимизм") в действия его основателей и творцов, включая современных лидеров, поддерживала надежды на устранение истоков человеческих несчастий и т.п. Сомнения в рационализме современной социальной науки - это сомнения в рациональности современного либерального общества, смена исторического оптимизма его приверженцев на исторический пессимизм. Если под сомнением оказывается стержень становления современной мировой системы, это серьезно.

Тем самым, в-третьих, проблемы рационализма оказались проблемой исторических перспектив современного развитого западного общества. Это действительно так. Вебер в свое время видел в рационализации один из ведущих факторов, определивших развитие Европы на последние 300-400 лет (сейчас к этим рамкам прибавились еще сто лет). Позиция М. Вебера по проблеме рациональности вполне естественно оказалась в поле внимания И. Валлерстайна. Для М. Вебера в свое время рационализм служил практической основой подходов к обществу в контексте острого противостояния с "экономическим детерминизмом" современных ему марксистов, стоявших на позиции имманентности революционного разрешения накопленных в тогдашнем обществе конфликтов. Можно предположить в этой связи, что, преследуя основную цель противопоставления детерминизма и рациональности, он не стремился исчерпывающе разработать детали, оттенки и варианты понятия "рационализм", в чем его и дополнил И. Валлерстайн.

В-четвертых, "рационализм" - одна из краеугольных составляющих теории "модернизации", "модерна" (modernity) как принятой научной концептуализации (Валлерстайн употребил в этой связи немецкий термин "Weltanschauung", вполне адекватно переводимый на русский словом *мировоззрение*, которого нет в английском языке) процессов в современном мире и в образующих его сообществах. Пара "рационализм-модернити" прочно заняла место стержня нескольких школ в социологии, ряда отраслевых дисциплин и т.д. Пересмотр основ обычно дается нелегко.

Заметим, что процессы последних лет в мировой социальной мысли - появление концепции "постмодерна" с его неопределенностью и неустойчивостью, работы авторов "Римского клуба", О. Тоффлера и др., - стимулировали формирование альтернативных взглядов на будущее и критику в этой связи

основ теории модернизации, с чем и связаны сомнения Валлерстайна по поводу рационализма. С начала 90-х гг. в мировой литературе о фундаментальных социальных тенденциях современного мира, в работах, затрагивающих соотношение прошлое-настоящее-будущее, аналогичные мнения стали обычным явлением. Хотя судить в России о масштабах таких настроений трудно из-за высыхающего притока новых поступлений в книгохранилища, тем не менее и в России подобные концепции обсуждаются и массовой прессой. По этим причинам в публикациях М. Арчер и И. Валлерстайна автора данных заметок привлекли не столько толкования научных категорий, сколько общественные тенденции, как общий фон обмена мнениями.

О чем спорили два президента?

В ходе полемики "завязались узлы", некоторые из которых представляют интерес для российских социологов.

Прежде всего, об историко-социологическом видении И. Валлерстайна. Излишне напоминать, что "глобалист" Валлерстайн своими *мировыми системами* предложил заменять в качестве объекта научного анализа отдельные национальные государства, выступающие в новой системе координат, в конечном итоге продуктами единой системы. Развиваться или модернизироваться вне рамок системы, вне ее внутренней логики невозможно. Валлерстайн тем самым утверждает историчность не только "модернизации" (или: современной капиталистической системы), но и сопутствующих ей знаний об обществе. Последние, по такой логике, не могут оставаться более европоцентричными, еще меньше - ограничиваться границами государств. Критерии объективности и универсальности обществензнания требуют охвата ситуации во всех регионах, странах мира, учета глобальных тенденций и т.п.

В этом плане суть (прописываемая как бы "на полях") оценок Валлерстайном современной ситуации в мире и ее тенденций сводится к тому, что мир вступил в эпоху перехода к качественно новой "мировой системе": подходит к концу "историческая система, капиталистическая мировая экономика" [3, с. 9]; "Мы идем в мрачный период, когда ужасы Боснии и Лос-Анджелеса в увеличенном виде будут происходить повсеместно" [3, с. 23]. Хронологически новый период начался в 1968 г., - студенческие выступления во Франции (некоторые авторы [4] датируют начало этого процесса энергетическим кризисом 1973 г.). Специфика его содержания - антисистемные, антигосударственные настроения и выступления народов, протест против институтов и руководителей, идентифицируемых с системой. Причины создавшегося положения связаны с сутью "модернити" и современной мировой системы: невозможно более аккумулировать капитал, приватизировать прибавочную стоимость, плодящие человеческие несчастья, не позволяющие полностью использовать потенциал человечества, множащие недовольство народов.

Валлерстайн считает, что движение по "неверному" пути началось около 200 лет назад, когда Великая французская революция выродилась в империю Наполеона Бонапарта. Свою роль в таком ходе вещей сыграли "рациональ-

ность", ученые, наука (к этому сюжету мы вернемся). Выделен период после европейской революции 1848 г., когда (Валлерстайн опирается на Р. Михельса) происходила "бюрократизация" революционных движений. Интересы недовольных стали представлять "бюрократы", что и привело народ к нынешнему состоянию и противостоянию с государством. В этом контексте идея возврата к "сущностной рациональности" подразумевает возврат к идее реализации коренных интересов народных масс.

"Рациональность" в таком контексте равнозначна науке, ее носителям - сообществу ученых вообще и ученым обществоведам, в частности. Заметим, что употребляемый М. Арчер и И. Валлерстайном термин "social scientist" (обществовед, буквально - "социальный ученый") в европейской и американской традиции означает ученых и даже целые школы, общественные движения, которые стремились придать науке об обществе характер науки точной, сделать ее нормативной и для сферы политики.

Валлерстайн поставил современную науку об обществе в исторический контекст. Ее корни в идеях эпохи Просвещения, противоречивых, но - тем не менее - по его мнению, хранящих родовые качества до настоящего времени. Со времени Просвещения наука предписывает властвующему слою, классу как бы рациональный образ действия. Таковы советы Дидро и Вольтера Екатерине II, "социальная физика" Конта, "социальная наука" Бентама и его последователей, идеология марксистов (выделен Антонио Грамши, писавший о противоречиях, непоследовательности современных ему приверженцев Маркса) [3, с. 8]. Определив такой тип взаимодействия науки и общества как "либеральную геокультуру" (геокультура либерализма), Валлерстайн оценил ее как принципиально антидемократическую. Между 1800 и 1960-ми годами в ее рамках была реализована в сущности ошибочная рациональность. Роль (и задачу) сегодняшних "социальных ученых" Валлерстайн видит "в освещении альтернатив исторического выбора (historical choices) [3, с. 24], стоящего перед нами", считая это единственной ролью, в которой они компетентны. А освещать, повторим, он предлагает факт конца одной и наступления новой эпохи, а также возможных форм перехода к ней.

Именно эта позиция вызвала критические аргументы М. Арчер. В историческом процессе XIX и XX вв. "университетское сословие", "интеллектуальный класс", считает М. Арчер, едва ли играли (и способны сыграть) самостоятельную роль, которой их наделил Валлерстайн. "Бюрократизм" проник и в "университетское сословие", к чему добавились идейные узы, связи с госаппаратом, зависимость от государства при экспертизе проектов, финансировании. Факты о том, кто содержит "класс", обходящийся все дороже, кто распределяет культурный (научный) капитал и т.п., говорят, что для роли, о которой пишет Валлерстайн, социальная группа - ученые слишком "скомпрометирована" [1, с. 19].

Однако вернемся к отправному пункту позиции Валлерстайна, представляющему для отечественного читателя культурно-исторический интерес. Как элемент самопознания и самоузнавания российской научной традиции в зеркале европейском и мировом.

Эпоха Просвещения и современная наука

Одна из причин расхождений сторон обмена мнениями в том, что Валлерстайн - социолог-глобалист, а М. Арчер - социолог образования, науки, знания. Они не могли не опираться на расходящиеся категории и эмпирику, не акцентировать то, что для другой стороны - периферия. Арчер считает исходный пункт суждений Валлерстайна - привязка либерализма (современной действительности западных обществ) к Просвещению, некоей однородной вещи, - "мифом культурной интеграции", показывая гетерогенность этого направления европейской мысли. Валлерстайн, критикующий наследие Просвещения, по ее словам, пленник ("родственник") этой традиции. Подлинным наследием Просвещения она назвала стремление оппонента в традициях той эпохи разъяснить (в том числе власть имущим) истинное положение вещей и альтернативы выбора. Родственны духу Просвещения, считает М. Арчер, и стремление к "большой теории", объясняющей все или почти все, и "нормативный авторитаризм", термин, который с известной долей приближения можно понять как детерминизм в познании общества, и утверждение о предрешенности исхода конфликтов, которые - верно или неверно - Валлерстайн находит в современном обществе. "Университетское сословие", наследники Огюста Конта, по словам Арчер, у Валлерстайна обрели роль пророков, аналог авангардной партии Ленина, или свободной интеллигенции К. Мангейма. Появилось в этой связи прилагательное от слова "тоталитаризм".

М. Арчер утверждает принципиальную открытость (непознаваемость) системы общественной реальности, что делает общество непригодным для деятельности руководителей-пророков. Устройство общества - загадка, пишет она [1, с. 19]. Ученым дано лишь ретроспективное объяснение, а не контовское программирование общества. Неопределенность, индетерминизм Арчер связывает с тем, что "мы всегда начинаем в условиях (структурных, культурных и инструментальных), которые мы не выбираем,и... мы всегда приходим к субоптимальным переменам,тожeneverыбранными"[1, с. 20]. Следовательно, социальная наука не может играть роль радикального преобразователя.

В противовес попытке Валлерстайна построить большую теоретическую конструкцию, Арчер отстаивает необходимость построения в рамках науки об обществе малых теорий и соответствующего поведения ученого-обществоведа. Этот подход можно охарактеризовать с известной долей приближения как "теорию малых дел".

М. Арчер энергично оппонировала и по поводу эмпирических данных (правда, Валлерстайн ее доводы мягко отвел). Негативной оценке социальной практики XIX-XX вв., данной Валлерстайном, она противопоставила достижения той полосы истории: избирательное право, профсоюзы, благотворительность, политические партии, системы образования, здравоохранения и социальной защиты, рост культурного уровня, грамотности, выдвижение альтернатив капитализму, развитие феминизма. Отвергнута оценка Валлерстайном периода после 1968 г. как "мировой революции", подмечено преувеличение "антисистемности" развернувшихся движений и событий в это время, проявлений нового "популизма" (в смысле стремления опираться на требова-

ния народных масс) и антиэтатизма (враждебности к нынешнему государственному устройству). В последние 2-3 десятилетия наиболее революционные перемены в мире, считает М. Арчер, вызванные действиями не низов общества, а транснациональных корпораций и глобальных финансовых рынков. Против валлерстайновского тезиса об антисистемности выступлений в Восточной Европе в 1989 г. использованы как символ перемен многотысячные очереди за "Бигмаком" - в рестораны фирмы Макдональдс. Что правда, то правда. Было такое. По крайней мере, в Москве: "Бигмак! Испытай вкус свободы!"

Еще о задачах "университетского сословия"

Практическую роль социальных наук в содействии общественным переменам и росту благосостояния людей Маргарет Арчер видит не в пропаганде планов лучшего будущего. Нимало не отказываясь от моральных ценностей и этических норм, считает она, обществовед (подобно чернорабочим) реализует свои просветительские ценности и практическую роль путем разумного диалога с системными и внесистемными коллективными агентами. Диалог равноправных собеседников вместо предписаний, пишет М. Арчер, это реабилитация утраченного в эпоху Возрождения (и Просвещения). В роли одной из сторон собеседников в этом диалоге она видит те общественные движения, которые Валлерстайн "дисквалифицировал" как бюрократические.

Отвечая М. Арчер, И. Валлерстайн сосредоточился вначале на том, что объединяет обоих ученых: ценности рационализма, демократии, ответственность интеллектуалов. В то же время, ее метод "бесконечно малых перемен" оценен как по существу отвергнутая ею же "большая теория". В то же время Валлерстайн настаивал, что "мы сейчас находимся в точке" распада исторической системы. "Большое изменение" продлится, по его оценке, ближайшие 20-50 лет [2, с. 20]. Отсюда моральный долг ученых - содействовать дебатам о пути к более рациональной исторической системе, нежели уходящая, участвовать в них, без гарантий, что верх одержат лучшие идеи. По существу он не согласился с тем, что малые перемены помогут решать проблемы исторической полосы перемен крупных, перехода к иной "мировой системе".

Итак, перед читателем - предельно упрощая ситуацию - две основные ролевые позиции: а) помогать другим, переворачивающим мир, и б) содействовать малым переменам. Формула "малые перемены" принадлежит, правда, Валлерстайну; М. Арчер определила свою позицию скорее как призыв к участию в формировании перемен, в разумном диалоге с агентами социального действия.

М. Арчер обозначила пунктиром свое видение выхода из сложившейся ситуации: диалог, интеграция, участие, солидарность, "интермедиарность" (*букв.* - посредничество), "субсидиарность" (взаимодополняемость) и т.п. Это атрибуты не только идущего в некоторых странах запада дискурса интеллектуалов, но повседневная реальность практической политики. Причем социологи (вместе с представителями других наук об обществе) сыграли в становлении таких практик свою роль. В подтверждение кратко сошлемся на пример ФРГ.

В Германии еще в 20-е гг. под влиянием школы экономистов "социального либерализма" (Г. Шмоллер, А. Вагнер, Л. Brentано и др.) предприниматели, церковь, ученые обратили внимание на потенциал социологии М. Вебера, Ф. Тенниса, Л. фон Визе, связанный с обоснованием возможности и целесообразности снятия антагонистических противоречий между предпринимателями и работниками, социальными группами. В послевоенной Германии развернулась реализация идей "третьего пути", преодоление ограничений либерально-рыночных механизмов. Для перевода проблемы в плоскость практики большое значение имели достижения социологии организаций, позволившие институционализировать процесс диалога организаций-интермедиариев (посредников), реализовать идеи субсидиарности (взаимной дополняемости участников диалога), "культурно-обучающего процесса", "коммуникативной хозяйственной этики" и т.п. (Автору приходилось об этом писать в "Вопросах экономики") [5]. Возможно, неразвитость подобных практик в США сказалась у Валлерстайна, как и близкая к германской традиция Британии - у М. Арчер.

Но могут быть иные объяснения позиций сторон в полемике. Между диалогом и снятием антагонизмов в национальных рамках или даже в рамках группы стран и решением той же задачи в глобальных масштабах - "дистанция огромного размера". Позиция Валлерстайна направлена, может быть, на стимулирование разъяснения альтернатив исторического выбора, жизненных для мирового сообщества.

"Все это хорошо. Но причем тут Россия?"

Слава Богу, в России в последнее время нет ощущения избытка рациональности, как стержня жизни страны, да и "университетское сословие" вполне ограничивается экзистенциально-зарплатными проблемами, чтобы еще и пытаться разъяснять обществу проблему "альтернатив исторического выбора", перед которым мы стоим.

Верхи? Когда еще наступит время, когда наши самопровозглашенные элиты оценят важность рациональности в практических действиях и станут с позиций "ценностей рациональности" измерять допустимость попустительства агрессору, оккупирующему соседнюю страну, военно-полицейских преследований народа, добивающегося национального равноправия, или допустимость супружеской измены, лжи и т.п. со стороны первого лица в государстве. Тем не менее, обмен мнениями Валлерстайна и Арчер релевантен заботам некоторой части сограждан.

Революция или малые дела. Упростив так позиции сторон, просвещенный читатель в России окажется на знакомой почве. Возникает масса ассоциаций, хорошо известных из нашей истории начала XX в.: призывы перевернуть мир, "что делать?", вопросы стратегии и тактики партий и групп, поведение интеллектуалов накануне и в ходе начавшейся революции, дебаты по поводу сборника "Вехи" и т.п. Здесь россияне в "выгодном" положении; уж что-что, а революцию средний образованный соотечественник представляет себе гораздо лучше среднего американца или европейца. Встает ряд картин будущего. Если революция развернется, то куда и на каком корабле (космическом?)

будущий - просвещенный вождь революции - отправит теоретика малых дел (типа М. Арчер) вместе с другими социологами, обществоведами и вообще профессорами, не нужными новому строю, как это было с П. Сорокиным и другими соотечественниками - невольными пассажирами пароходов из Петрограда в Европу в 1922 г. И т.п.

Небезынтересен вопрос, где "может начаться". Россия, по-видимому, "устала" от всего, что ей выпало в XX веке, и едва ли сыграет роль запала в революции, которую видит Валлерстайн. Кроме упомянутых им Боснии и Лос-Анджелеса уже сейчас можно назвать Афган и Чечню, Косово и Руанду, Таджикистан и др. Журнал "International sociology" на русском языке не выходит, но выходит, кроме английского, на французском (Африка) и Испанском (Латинская Америка) языках. Видимо, для тех регионов актуальна и проблема дискурса о "мировой революции" и малых делах, о том, что делать в ней интеллектуалам.

Хватит ли там "рациональности"? И массы не столь образованы, как в странах, где живут участники полемики, и у "университетских сословий" несколько иные культура, привычка к диалогу (дискурсу) и т.п. Сможет ли "рациональность" наложить отпечаток на действия иррациональных или "целерациональных" акторов? Это задача не простая, под силу она не всем. О механизме ее решения писал публицист и политик начала XX века в обстановке начала революции, определяя задачи своих сторонников [6] - организация (позднее "агент бюрократизации" революционного движения).

Если "начнется" в более южных и более населенных регионах мира, Россия может оказаться полем охоты за ядерным оружием, накопленным в ту пору, когда "от тайги до Британских морей" советская армия была всех сильнее вооружена оным оружием. Отсюда актуальным шагом было бы выявление по файлам архивов Министерства обороны СССР прохождения службы при ядерном оружии нынешними фундаменталистами, чеченцами и вообще ЛКН. На всякий случай (шутка).

Вернемся на почву социологии, науки об обществе в России. Обмен мнениями И. Валлерстайна и М. Арчер показателен по крайней мере в трех отношениях. Первое - форма: подчеркнутая корректность, ничего личного, строгие рамки научных стандартов, стремление добраться до научных корней позиции оппонента (этой стороне вопроса мы не могли уделить достаточно внимания, ибо она увела бы от цели - ознакомить читателей "Социса" с позициями крупных социологов).

Вторая констатация касается рефлексии по поводу корней отечественной науки. Представляется, что мы недостаточно осознаем последствия того, что, например, в российской научной рефлексии не было интенсивного обсуждения проблемы соотношения веры и знания. Соответствующая полоса в Европе длилась столетиями и завершилась еще ко времени институционализации науки в Российской империи. То же можно сказать и о Просвещении. Л. Эйлер и М. Ломоносов (последний, видимо, не сознавая этого факта) были "детьми Просвещения", фундаментальные подходы которого подвергнуты ревизии сторонами полемики. Просвещение (и Возрождение) феномены мировой культуры. Но там, где эти процессы разворачивались, где

они признаны частью традиции, к их наследию интеллектуальные круги относятся серьезно. Кое-что из отношения к науке в российском современном обществе можно толковать как частично неосозанный уход от традиций Просвещения и Возрождения в некую самобытность. Однако так можно оказаться в рамках традиции иной, в роли, условно говоря, талибов, аятаолл и т.п. Древность культуры КНР не помешала великой пролетарской культурной революции.

Наконец, об историзме научного знания об обществе. Очевидно, набор общественных наук, их институты историчны, подвержены эволюции с течением времени. Это касается "нарезки" поля научного знания об обществе в нормативных документах, принятых в стране (становящихся традицией, воплощенной в институтах). Знание об обществе имеет исторический компонент, включая представление о прошлом этой отрасли науки, о ее развитии, особенностях, тенденциях. На фоне иных традиций, особенно когда речь идет о больших ученых и крупных проблемах мирового сообщества, это обнаруживаешь особенно предметно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *M. Archer*. The dubious guarantees of rationality. A reply to Wallerstein // *International sociology* 1998. № 1. Pp. 4-17.
2. *I. Wallerstein*. Possible rationality. A reply to Archer // Там же. Pp. 19-22.
3. *I. Wallerstein*. Social science and contemporary society: the vanishing guarantees of rationality // *International sociology*. 1996. № 1. Pp. 7-25. Некоторые положения статьи близки опубликованной в № 1, 1997 г. (с. 8-21) "Социологических исследований" статье Валлерстайна "Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется?"
4. *E. Hobsbawm*. Age of extremes. The short twentieth century 1914-1991. L. 1995. P. 403.
5. Экономика - этика - религия: воззрения Фридриха Карренберга // *Вопросы экономики*. 1994, № 7.
6. *Ленин В.И.* Полн. Собр. соч. Т. 11. С. 4-5.